

Венгерские ученые и пермская филология. Сборник статей, Устинов 1987 (Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР). 190 с.

Книга представляет собой сборник материалов итоговой научной конференции преподавателей и сотрудников Удмуртского государственного университета (секция «Удмуртское и финно-угорское языкознание») по теме «Венгерские ученые и пермская филология», посвященной 40-летию освобождения Венгрии и победы над фашистской Германией, а также 125-летию со дня рождения Б. Мункачи и 100-летию со времени его приезда в удмуртские земли. Она содержит 23 статьи удмуртских и коми ученых, в которых рассматривается вклад венгерских ученых в исследование языка, фольклора и этнографии пермских народов, преимущественно внимание уделено творческой деятельности Б. Мункачи и Д. Р. Фокоша-Фукса, заложивших прочные основы пермистики в Венгрии. Книга открывается статьей К. И. Куликова «Удмуртско-венгерские культурные и научные связи» (с. 3—11).

Семь статей посвящены вкладу Б. Мункачи в удмуртскую филологию.

По данным В. К. Кельмакова («Слово о Бернате Мункачи, исследователе удмуртов», с. 12—24), Б. Мункачи приступил к изучению удмуртского языка в начале 1880-х годов публикацией работ «Votják nyelvmutatványok» (— NyK XVII 1883) и «Votják nyelvtanulmányok» (— NyK XVIII 1884). Последняя представляет собой обзор ранних письменных памятников и выявление тюркских и русских заимствований в удмуртском языке. Крупное издание произведений удмуртского устно-поэтического творчества представляет собой сборник Б. Мункачи «Votják népköltészeti hagyományok» (Budapest 1887). Словарь «A votják nyelv szótára» (Budapest 1890—1896) был составлен им за рекордно короткий срок — всего за 14 месяцев неутомимого труда, автор использовал свои диалектологические записи и материалы предшествующих лексикографических источников (с. 16—17). Б. Ш. Загуляева («Б. Мункачи как диалектолог удмуртского языка», с. 35—39) отмечает большой вклад венгерского академика в изучение удмуртских диалектов. Им собран словарный и

фольклорно-диалектологический материал по северному, южному, периферийно-южному наречиям, срединным и закамским говорам удмуртского языка. С. В. Соколов («Б. Мункачи как удмуртский лексикограф», с. 40—48) основным достоинством словаря удмуртского языка Б. Мункачи считает богатство лексического материала. По его подсчетам, словарь включает 8292 словарные статьи. Значения удмуртских слов Б. Мункачи объясняет путем перевода на венгерский и немецкий языки, значения и оттенки 39,6% слов и выражений объясняются и через переводы на русский язык, что, по его мнению, дает основание считать рассматриваемый словарь четырехязычным. И. В. Тараканов («Б. Мункачи и удмуртская историческая лексикология», с. 49—52) сосредотачивает внимание на двух лексикологических работах Б. Мункачи «Votják nyelvtanulmányok» и «Árja és kaukaszusi elemek a finn-magyar nyelvekben I. Magyar szojegyzék. A kérdés története» (Budapest 1901), посвященных взаимосвязям финно-угорских народов и их языков с их близкими и далекими соседями и их языками — индоиранскими, кавказскими, тюркскими, славянскими. В последней Б. Мункачи этимологизирует 397 венгерских слов предположительно индоевропейского и кавказского происхождения, выявляя их соответствия в других финно-угорских языках — мансийском, хантыйском, коми, удмуртском, марийском, мордовских и финском. Среди 112 удмуртских сопоставлений Б. Мункачи около 50 слов, как считает И. В. Тараканов, этимологизированы правильно. Из двух публикаций венгерского ученого по дореволюционным русским заимствованиям в удмуртском языке Р. Ш. Насибуллин («Русские заимствования в удмуртских публикациях Б. Мункачи», с. 53—66) отобрал 630 слов, которые, на его взгляд, являются русскими заимствованиями. Он расположил их по тематическому принципу, взяв за основу лексико-семантическую группировку. В статье Л. Е. Зверевой «Вопросы удмуртской топонимики в трудах Берната Мункачи» (с. 67—71) рас-

считаются две работы, в которых затрагиваются вопросы топонимики: «Votják népköltészeti hagyományok» и «Volksbräuche und Volksdichtung der Votjaken» (Helsinki 1952); издал Д. Р. Фокош-Фукс. Отмечается, что в этих трудах зафиксировано огромное количество географических названий со всеми бытующими в народе вариантами. По мнению Г. А. Ушакова («Типы и формы сказуемого удмуртского языка», с. 76—80), фольклорно-диалектологические тексты Б. Мункачи, отражая особенности синтаксиса удмуртской речи, содержат все возможные типы и формы сказуемого.

Б. Мункачи был не только языковедом, он интересовался этнографией, фольклором, литературой. Научное наследие ученого в области изучения духовной культуры удмуртского народа освещено в четырех статьях: В. Е. Владыкин, «Мункачи Бернат и вопросы удмуртской этнографии» (с. 25—34), Ф. К. Ермаков, «Академик Б. Мункачи — автор первой венгерской обзорной статьи об удмуртской литературе» (с. 81—85), Д. А. Яшин, «Легенда «Калмезские богатыри»» (с. 86—92), Л. Д. Айтуганова, «Значение публикаций Б. Мункачи для исследователей удмуртского народного стихосложения» (с. 93—99).

Г. А. Архипов в статье «О встречах с информантами Б. Мункачи, их родственниками и земляками» (с. 72—75) знакомит читателей с тем фактом, что среди военнопленных в 1915—1916 гг. информантами Б. Мункачи были 25 удмуртов, из них четверо — уроженцы Башкирской АССР, пятеро — Татарской АССР, двое — Пермской области, остальные 13 — различных районов Удмуртии. Автор рассказывает о своей встрече с одним из информантов Б. Мункачи и с родственниками некоторых из них.

Научная деятельность Д. Р. Фокоша-Фукса в области пермской филологии рассмотрена в пяти статьях.

Л. И. Калинина («Фокош-Фукс о личных формах удмуртского глагола», с. 118—120) и А. Ф. Шутов («Вопросы удмуртского синтаксиса в трудах Д. Р. Фокоша-Фукса», с. 121—125) акцентируют внимание на исследованиях Фокоша-Фукса в области морфологии и синтаксиса финно-угорских языков. Л. И. Калинина, рассматривая работы ученого «Die Verbal-

adverbien der permischen Sprachen» (Budapest 1958) и «Aus der Gebiete der finnisch-ugrischen Verbalnomina» (— CIFU I), отмечает, что Фокош-Фукс выделил три группы деепричастий и шесть значений удмуртских отглагольных имен на *-он*, *-ан*, удмуртские, коми и венгерские причастия рассмотрел на фоне других урало-алтайских и немецкого языков. А. Ф. Шутов анализирует работы «A lokativus-féle határozók a votjákban» (— NyK XXXVI 1906), «Übereinstimmungen in der Syntax der finnisch-ugrischen und türkischen Sprachen» (— FUF XXIV 1937), «A finn-ugor és török mondat ősi sajátosságai» (Budapest 1941) и некоторые другие. Автор статьи отмечает, что в этих работах использованы многочисленные примеры и из пермских языков. В. А. Ляшев («Давид Фокош-Фукс и коми-зырянская диалектография», с. 100—104) сообщает, что в связи с группировкой коми говоров в 1950-е годы Д. Р. Фокош-Фукс исследовал диалектно проявляющуюся вокализацию *л* как синхронический, так и диахронический процесс, указав на ее следы не только в коми, но и в угорских языках. Е. А. Игушев («Давид Рафаэль Фокош-Фукс как исследователь коми языка», с. 105—108) рассказывает о работе Д. Р. Фокоша-Фукса над коми-немецким словарем, который вышел в свет к 75-летию автора (Syrjänisches Wörterbuch, Budapest 1959). Это самый большой словарь из существующих лексикографических пособий коми языка (в нем свыше 20 тысяч слов), каждое слово богато иллюстрировано идиомами, пословицами, поговорками. В статье «Коми фольклор и Д. Р. Фокош-Фукс» (с. 126—128) Ю. Г. Рочев анализирует фольклорный сборник Д. Фокоша-Фукса «Volksdichtung der Komi (Syrjänen)» (Budapest 1951), который и до сих пор является одним из самых насыщенных сведениями о народной мифологии источников.

Л. П. Рощевская и В. Я. Чернышева («Русские и зарубежные журналы начала XX века о путешествиях Б. Мункачи и Д. Р. Фокош-Фукса к финно-угорским народам России», с. 109—117) рассказывают, как современная зарубежная и русская пресса освещала полевыми исследовательскую деятельность венгерских ученых в России.

В сборник включены две обзорные статьи об исследованиях венгерских ученых в области удмуртской филологии: А. Г. Шкляев, «Петер Домокош об удмуртской литературе» (с. 129—142) и В. К. Кельмаков, «Венгерские ученые об удмуртском языке» (с. 143—147).

В. М. Вахрушев дает обзор изданий по удмуртскому языкознанию за последние годы («Издания по удмуртскому языкознанию за 1983—1986 годы» — с. 178—180). На наш взгляд, эта статья не отвечает общей тематике книги.

Сборник завершается статьей Л. И. Калининой и В. К. Кельмакова «Об уральском этимологическом словаре» — с. 181—190. Они впервые, как нам известно, дают рецензию на выходящий «Uralisches etymologisches Wörterbuch» (Budapest 1986). Давая высокую оценку

этому лексикографическому труду венгерских ученых, рецензенты предлагают и свои соображения по уточнению некоторых словарных статей.

В целом сборник содержателен и информативен. В нем помещены также фотографии изданий венгерских ученых в области удмуртской и коми филологии, а также фотографии, в определенной степени отражающие творческие связи венгерских и пермских ученых.

Сборник, по нашему мнению, весьма полезен своим содержанием как финно-угроведам, так и студентам филологического факультета Удмуртского и Сыктывкарского университетов, преподавателям вузов и учителям школ, а также всем, кто интересуется вопросами пермистики и историей науки о финно-угорских языках.

Р. А. КУЗНЕЦОВА (Ижевск)

М. Г. Атаманов, Удмуртская ономастика, Ижевск, «Удмуртия», 1988. 168 S.

Der bekannte udmurtische Lexikolog und Ortsnamenforscher Michail Atamanov hat ein wichtiges Werk über die udmurtischen Ethnonyme, Toponyme und Anthroponyme veröffentlicht. Seine Untersuchungen basieren auf den entsprechenden gedruckten Quellen und Archivangaben, die er selbst oder Lehrkräfte und Studenten der Udmurtischen Universität sowie die Mitarbeiter der Abteilung für Sprachwissenschaft des Wissenschaftlichen Instituts gesammelt haben.

Im ersten Kapitel (S. 6—50) werden einleitend die Standpunkte früherer Autoren zu den udmurtischen ethnischen Namen kurz und kritisch dargelegt. Dem schließt sich die Analyse der entlehnten Benennungen für das udmurtische Volk an, das sich selbst als *удмурт*, *удмут*, *одмурт*, *уртмурт* usw. bezeichnet. Der Verfasser unterstützt die Meinung, daß der zweite Teil dieses Wortes *murt* iranischer Herkunft sei. In den iranischen Sprachen bedeutet *murt*, *murd* 'Mann, Mensch'. Der erste Teil des Wortes *ud-*, *od-* war ursprünglich die Bezeichnung für eine Gruppierung der Udmurten. Das Element *od-*, *odo-*, *odu-* kommt auch heute noch in

verschiedenen Ortsnamen vor. Im Marischen heißen die Udmurten *одо* oder *одомирн*. Im Süden des Siedlungsgebiets der Udmurten wurde/wird für dieses Volk das Synonym *ар* (= *ar*) gebraucht, das türkisch-tatarischer Abstammung ist. Aus den gleichen Sprachen wurde auch *арису* (= *arisu*) entlehnt.

Im Russischen kannte/kennt man für den Udmurten die Ausdrücke *отяк*, *отя*, *вотяк*, *вотин* usw. M. Atamanov nimmt an, daß diese Benennungen nach dem Vorbild von udm. *od*, *ud* oder mar. *одо* (*мару*) gebildet worden sind. Der anlautende Konsonant *v-* ist im Russischen entstanden, ebenso wie in ursprünglich russischen Wörtern (*восемь* < *осемь* 'acht'). Ausgehend vom Russischen hat sich das Ethnonym *вотяк* in vielen Sprachen verbreitet.

Im dritten Unterpunkt dieses Kapitels (S. 18—50) werden zahlreiche Benennungen der udmurtischen Sippen und Gemeinden vorgestellt und etymologisiert. Die etymologischen Erläuterungen der Ortsnamen hat der Autor mit Vorsicht vorgebracht. Nach vielen Ortsnamen steht die Anmerkung: etymologisch unklar. Je-